

Отдѣлъ неофициальный.

Памяти почившей Игуменьи Саратовскаго Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря Евлампіи. († 25 марта 1912 г.)

(Речь при погребеніи ея 27 марта 1912 г.)

Одно только вѣяніе смерти, только одинъ ея смертоносный вздохъ и у насъ уже—грусть, тоска... Смерть, смерть близкаго намъ человѣка причиняетъ сильную душевную скорбь и вырываетъ изъ насъ слезы глубокой тоски и даже отчаянія... Но смерть дорогой намъ почившей должна въ насъ вызвать не ужасъ... не скорбь, а радость,—не слезы отчаянія, а слезы радованія.

Возликуйте: это смерть ни къ смерти, ни къ мраку, ни для темныхъ силъ ада; нѣтъ!!!... а къ жизни, свѣту и блаженству рая. Почившая умерла въ первый день праздника изъ праздниковъ и торжества изъ торжествъ, когда Св. Пасха объединилась и слилась съ великомъ днёмъ Благовѣщенія. День смерти покойной: „воскресенія день! пасха Господня пасха“, когда Христосъ Богъ умертвилъ смерть, разрушилъ адъ и привелъ людей отъ смерти къ жизни и отъ земли на небо.

Возрадуйтесь: предъ вами неподвижна и бездыхана —та, чья жизнь свѣтилась своею нравственною красотою.

Сестры, возвеселитесь: ваша мать, ваша учительница жизни не умерла: она жива. И ея голосъ теперь звучитъ сильнѣе, властно, какъ никогда онъ не говорилъ съ вами при ея земной жизни. Покойная учитъ васъ примѣромъ своей прошлой жизни и будетъ имъ учить всю вашу жизнь.

Усопшая Всевѣдущимъ Господомъ была избрана для иноческихъ подвиговъ ея до своего рожденія. Извѣстный постникъ, благочестивой жизни человекъ, Саратовскій епископъ Іаковъ благословилъ покойную, до ея рожденія. Преосвященный Іаковъ пристально посмотрѣлъ на ея мать, которая въ то время носила почившую во чревѣ и сказалъ: „благословеніе Божіе, яже во чревѣ носиши“.

Вскорѣ послѣ смерти своего отца священника 10—лѣтняя Евлампія, въ мѣсяцъ Елизавета, видѣла знаменательный сонъ. Сирота Лиза молилась предъ иконой Ахтырской Царицы Небесной и съ горкими слезами повѣдала Божій Матери одну наболѣвшую скорбь своей дѣтской души. Во время молитвы на колѣняхъ она засыпаетъ и видитъ въ сонномъ видѣніи большое поле, украшенное зеленью и цвѣтами. Предъ ней предстаетъ Пречистая Дѣва Марія, лѣтъ 30. Ея одежда цвѣта голубого, а на головѣ бѣлое покрывало. Ликъ Богоматери продолговатый. Глаза темно—голубые. Волосы свѣтло—русые. Божія Матерь милостиво, ласково смотритъ на Елизавету, обращаясь къ ней, говоритъ: „Лиза, хочешь мнѣ работать?“ „Хочу, Царица Небесная“, отвѣчаетъ Лиза. Вблизи Богоматери—Спаситель Христосъ одѣтый въ длинную краснаго цвѣта одежду, которую покрываетъ надѣтый чрезъ нее голубой плащъ. Спасителю на видъ 14 лѣтъ. Онъ смотритъ ласково на сиротку Лизу и произноситъ три слова, которыя покойная забыла. Вдругъ радостно стало на душѣ Лизы отъ словъ Христа. Тогда Божія Матерь говоритъ покойной: „иди, работай мнѣ вотъ къ этимъ дѣвушкамъ“. Дѣвушки были въ той одеждѣ, какую носили прежде сестры нашего Крестовоздвиженскаго монастыря.

Ровно чрезъ годъ послѣ этого сна, Елизавета поступаетъ въ обитель, гдѣ непрерывно болѣе 60 лѣтъ и подвизалась, отдаваясь идейно монашеской жизни. Она проходила черныя монастырскіе труды на огородѣ, несла клиросное послушаніе, должность казначеи и наконецъ, въ теченіе 20 лѣтъ была игуменьей. Покойная

была въ молодости красива и ей представлялся случай выдти замужъ. Но она отклонила отъ себя жребій семейной жизни.

Сестры, ваша матушка васъ учитъ изъ своего гроба твердой и непоколебимой вѣрѣ въ Бога. Она ежедневно, когда была въ силѣ, посѣщала Божій храмъ. Этотъ нашъ величественный и великолѣпный храмъ построенъ ея трудами, который въ своихъ нѣдрахъ сегодня приметъ ея прахъ.

Любящій Господь удостоивалъ покойную за все время ея прдолжительной болѣзни принимать каждую недѣлю Св. Животворящя Таины. Приобщеніе Христа всегда успокаивало больную причастницу, умиротворяло ее и несомнѣнно всю ея душу озаряла тогда небесная радость. Въ теченіе цѣлаго дня причащенія Св. Таинъ ея недугъ терялъ свой острый характеръ и ослабѣвалъ. Въ вѣрѣ больной и ея частомъ причащеніи была сила, почему такая страшная болѣзнь, какъ ракъ желудка, не вызывала тѣхъ мучительныхъ физическихъ страданій, какія обычно неизбѣжны при этой болѣзни.

Предъ смертью покойница выполнила весь послѣдній христіанскій долгъ. Два раза соборовалась освященнымъ елеемъ, въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней своей жизни три раза приобщалась своего Спасителя, своего Господа и Христа и послѣдній разъ незадолго до смерти. Два раза выслушала, молясь, канонъ Пречистой Богоматери на исходъ своей души.

И открыто, смѣло она смотрѣла своей костлявой смерти въ темныя арбиты ея глазъ, приближеніе которой она созерцала и говорила объ этомъ легко.

Медленно, покойно, тихо, какъ въ тихій теплый весенній вечеръ, угасали, догорая послѣдніе лучи ея жизненнаго заката. Словно засыпая, умирала она. Смерть не наложила на ея ликъ печать смертельнаго ужаса, предсмертной агоніи. Нѣтъ! Смерть сдѣлала ея лицо особенно строго красивымъ и полнымъ величественнаго покоя.

Сестры, учитесь у своей покойной матушки ея

благотворительности, милосердію къ бѣднымъ и ея честности; ея честности поучайтесь вы! Черезъ ея руки прошли сотни тысячъ казенныхъ и жертвованныхъ денегъ. По ея же смерти изъ ея личныхъ денегъ остались лишь сотни рублей, которые ей дали добрые люди на погребеніе. Искренне сострадавъ бѣдственному положенію неимущихъ сестеръ, покойная помогала имъ. Помощь бывала и тайной. За бѣдныхъ умершихъ сестеръ, покойная настоятельница ихъ давала и посылала жертвы, чтобы объ упокоеніи душъ почившихъ сестеръ возносились предъ Господомъ молитвы.

Сестры, ваша покойная руководительница оставила вамъ для исполненія завѣты въ своей женственной скромности, иноческомъ смиреніи и монашеской кротости.

Высокое положеніе игуменьи виднаго монастыря въ центрѣ Поволжья не обольщало ея и про свой сонъ она обычно не упоминала, держа себя, какъ простая рядовая монахиня. За такую ея и принимали тѣ, кто не зналъ ея.

Не суровыми мѣрами строгаго возмездія, покойная стремилась исправить и воспитать всѣхъ сестеръ и сестеръ провинившихся, а вліяніемъ прежде всего кроткаго и смиреннаго духа и примѣромъ своей благочестивой жизни, полной христіанской простоты.

Теперь понятны намъ тѣ рыданія, тѣ вопли сестеръ всего монастыря, когда по монастырю пронеслась скорбная вѣсть о кончинѣ матушки и монастырскій колоколь уныло, протяжно повѣдалъ эту печальную новость.

Сестры, научитесь любви у родной, дорогой вамъ матери. Она умѣла давать особенную уютность, теплоту, которую чувствовали всѣ, кто былъ въ ея обществѣ или имѣлъ какое либо къ ней отношеніе. Все это могло создавать только то сердце, которое ровно горѣло свѣтлымъ огнемъ безъ вспышекъ, святымъ огнемъ любви матери—христіанки.

Господь Правосудный Христосъ за все вознаградилъ Тебя сторицею, христіанка. Жизнь твоя теперь тепло согрѣта и ярко освѣщена лучами молніеносными

Свѣтлаго Христова Воскресенія. Ты наслаждаешься пасхальными райскими гимнами безчисленныхъ ангельскихъ хоровъ и ощущаешь близко, близко непостижимаго для насъ Воскресшаго Спасителя міра, Вѣчнаго Бога и неба и земли.

Дорогая, молись за насъ ты, чтобы и мы насладились вѣчно живымъ блаженствомъ рая, къ которому теперь приобщена ты.

Возлюбленная, своими молитвами, своимъ представительствомъ предъ престоломъ Божиимъ не оставь, но храни, береги родную для тебя обитель, чтобы въ ней процвѣталъ строгій духъ подвижничества на евангельскихъ основахъ вѣры, правды, любви и мира.

Мы, недостойные, будемъ пребывать съ тобою въ молитвенномъ единеніи... мы будемъ молиться о тебѣ въ надеждѣ, что Милосердный Господь приметъ и наши грѣшныя, недостойныя молитвы...

Спи, мать наша, руководительница иноческой жизни, чистая, святая душа... спи... покойся: сладокъ твой пасхальный сонъ!

Протоіерей *Владиміръ Воробьевъ.*

Распнуть...

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія прочиталъ въ «Колоколѣ» статью М. А. «Царь Іудейскій». Авторъ, между прочимъ, пишетъ: «пусть-ка воспѣвающіе эту драму... сами исполняютъ роли кричавшихъ: «распни Его! Варавву! Отпусти Варавву намъ»... (14 февр., № 2340)... Это вѣрно. У насъ готовы вынести на «позорище» (на театральную сцену) все самое дорогое для христіанина, — все, чѣмъ мы—христіане—живы... Припомните хотябы «Нѣкоего въ сѣромъ», или «Анатэму»... Любители послушать и посмотрѣть, особенно въ праздномъ и бездѣльничавшемъ Петербургѣ, найдутся. Въ этомъ сомнѣній нѣтъ. Все уже надоѣло столичной публикѣ. Дайте ей что-либо новое, острое, возбуждающее... Образованные дошли до такого умопомѣшательства, что напяливаютъ на себя голубые, зеленые, желтые парики и въ этомъ своемъ безуміи, на проявленіе коего тратятъ тысячи денегъ, стараются перешеголять другъ друга... Но несомнѣнно и то, что въ распинателяхъ недостатка у насъ не будетъ.